

КАРЕЛ ГАВЛИЧЕК БОРОВСКИЙ И РОССИЯ

MAREK PŘÍHODA

KAREL HAVLICEK BOROVSKY AND RUSSIA

ABSTRACT *The aim of this article is to provide a systematic research of the views on Russia of the prominent Czech journalist, writer and politician Karel Havlicek Borovsky (1821–1856). Since the perception of Russia and Russians in the then Czech lands is inextricably linked to the Slavic idea (Slavism), attention is also paid to Havlicek's reflections on the Slavic question, his opinions about other Slavs and, last but not least, his Czech national program.*

KEY WORDS *Karel Havlicek Borovsky, Russia, Slavic Question, Czechia, Austrian Monarchy, Austro-Slavism, National Revival*

CONTACT *Ústav východoevropských studií, Filozofická fakulta Univerzity Karlovy;
e-mail: marek.prihoda@ff.cuni.cz.*

Одной из сложных, но одновременно нужных задач филологии мы считаем критическое, непредвзятое изучение и переосмысление литературного наследия личностей, чья деятельность и последующее влияние вышли далеко за рамки отдельной, конкретной национальной среды. Такие усилия, предпринятые несмотря на моментальный политический запрос и сиюминутные общественные настроения, актуальны и важны как раз для понимания славянского ареала, где на протяжении всей новой истории сталкивались интеграционные тенденции с традиционной враждой и непониманием и где, вопреки идее славянской взаимности, мы наблюдаем целый ряд конфликтов, в том числе вооруженных.

В чешской среде к личностям, которые в контексте межславянских отношений заслуженно привлекали и привлекают внимание, принадлежит Карел Гавличек Боровский (1821–1856), член нового поколения представителей национального возрождения, человек, обладавший сильным влиянием на современное ему общество как журналист, политик и писатель, занявший заметное место в истории чешской культуры, несмотря на довольно короткий период активного творчества и относительно небольшой объем литературного наследия. Свидетельством этого интереса в чешской среде является серия монографий, посвященных жизни и творчеству Карела Гавличека (среди послевоенных напр. Procházka 1961; Nejtěk 1979); самой подробной биографией Гавличека стала книга Эмануэла Халупного (Chalupný 1929); продолжительную полемику вызвал своей монографией, посвященной Гавличеку, Томаш Гарриг Масарик (Masaryk 1996); всеобъемлющее и бесценное для настоящей статьи исследование взаимоотношений между Гавличеком и славянским миром принадлежит лингвисту и историку литературы Яромиру Беличу (Bělič 1947); подробное описание взглядов Гавличека на Россию содержит второй том труда Йосефа Йирасека по истории чешско-русских отношений (Jirásek 1946).

Благодаря, в первую очередь, публицистике и журналистской деятельности, Гавличек пользовался авторитетом уже при жизни. Важную роль при формировании его публичного образа сыграла пылкость характера, склонность к страстной полемике, отстаивание своих принципов и убеждений, несмотря на меняющуюся общественную атмосферу и политическую обстановку. После его преждевременной смерти память о нем не теряется, скорее наоборот, его высоко ценят представители чешской (и не только) культурной и политической жизни, для многих он стал кумиром. Гавличек оставил свой заметный след в истории чешской политической мысли как один из теоретиков и представителей австрославизма, в основе которого лежит мнение, что как раз реформированная Австрийская монархия, гарантирующая широкие культурно-политические права своих народов, является надежной основой национальной жизни славян, проживающих на ее территории.

На взгляды Гавличека на славянство и Россию сильно повлияла параллельная формулировка чешской культурной и политической программы. Славянский вопрос он рассматривает в контексте актуальной ситуации чешских земель и дальнейших перспектив собственного народа, причем национальная составляющая его идентичности постепенно и все сильнее преобладает над славянской. Исходя из чешских национальных интересов, он выступил резким критиком идеи о едином славянском народе.

Для понимания отношения Гавличека к России и славянскому миру важно учесть формирование его взглядов под влиянием личного опыта, непосредственного знаком-

ства с другими славянскими землями. Он лично посетил Россию, тут надо подчеркнуть, что первым среди основных деятелей чешского национального возрождения первой половины XIX века, и прожил здесь длительное время. В ранней молодости он находился под влиянием романтической версии славянской взаимности и славянского мессианизма. Вдохновленный ими, он поставил перед собой задачу познакомиться со славянскими землями. Средством к достижению этой цели должны были стать, помимо прочего, путешествия. Согласно его собственным словам, сначала он был на стороне поляков. (Havlíček 1900: 57) В 1842 году он осуществляет поездку в Польшу (Западную Галицию) и Словакию. В том же году начинается его длительное путешествие на славянский восток. Его пригласили работать воспитателем в семье известного историка, профессора Московского университета Михаила Петровича Погодина (1800–1875). Вместе с ним он и отправился в Москву, но на австрийско-российской границе оказалось, что он не оформил заграничный паспорт. Этот казус, вероятно, подорвал доверие Погодина к молодому спутнику и стал причиной того, что Гавличек оказался воспитателем не в семье Погодина, а московского профессора литературы Степана Петровича Шевырева (1806–1864). Он вынужденно останавливается во Львове у чешского писателя и чиновника Карела Владислава Запа (1812–1871). В центре австрийской Галиции он ближе знакомится с украинской средой и вникает в суть польско-украинских отношений, что привело его к разочарованию в поляках. Он встает на сторону украинцев. В письме из Львова от ноября 1842 года он признается: «Из всех нечешских славян я больше всех люблю малорусов. Они олицетворяют идеал народа без дворянства или какой-либо аристократии, все одинаковы, все одеты в одинаковое мохнатое зимнее пальто и одинаковую шапку, все поэты, все думают о турбулентном, но славном прошлом. Таким образом они мужественно переносят свое настоящее жалкое состояние и просят Бога о счастливом будущем. Вся нация либо крестьяне, либо священники. Просто подожди, в течение трех лет я стану чехорусином.»¹ По поводу поляков он добавляет: «Так, например, поляки должны, хотя сейчас достойны сожаления, все-таки много настрадаться, пока им не простят обиды, которые они причиняли бедным русинам. Мы должны все еще беспокоиться о том, что они долго не исправятся, поскольку до сих пор не отказались от своего властного поведения с русинами.» (Havlíček 2016: 295)²

В феврале 1843 года Гавличек прибыл в Москву. Из-за разлада отношений с ближайшим окружением (например, из-за конфликта в семье Шевыревых по поводу методов воспитания), постепенного разочарования и тоски по родине он оставляет свои московские дела раньше, чем планировал, в июне 1844 года. Тем не менее, он успел за время своего пребывания здесь близко познакомиться с местной интеллектуальной и повседневной жизнью в разных ее проявлениях и с положением дел в провинции. Главным свидетельством о путешествии в Россию должен был стать большой цикл очерков, из

1 Все переводы текстов Карела Гавличека на русский язык принадлежат автору настоящей статьи.

2 Гавличек использует прилагательные «русинский», «малорусский» и этнонимы «русины», «малорусы» как синонимы для обозначения украинского языка и украинцев.

которого ему удалось реализовать лишь часть, известную под традиционным названием «Очерки из России»³ («Obrazy z Rus»).⁴

1 / ВЗГЛЯД НА РОССИЮ

У Гавличека нет сомнений по поводу славянской национальной принадлежности русских⁵ и славянских основ самой России.⁶ Последняя является для него не только прочной составляющей славянского мира, но в некотором смысле и ключом к познанию исконно славянских черт жизни и славянского характера в ситуации, когда родная Чехия подвержена сильному немецкому влиянию. Одним из результатов его путешествия, помимо прочего, станет переосмысление ситуации собственного народа. В «Очерках» Гавличек рассуждает: «Путешествуя по разным чужим странам, мы узнаем больше о своей родине.» (Havlíček 1986a: 16) Более близкое знакомство с Россией имеет для Гавличека важное значение – оно помогает более четко понять недостатки и преимущества ситуации в своей стране: «Кто не знает ничего, кроме своего, тот, конечно, будет доволен всем; только путем сравнения мы научимся распознавать недостатки, но для того, чтобы мы могли сравнивать, должны кроме своего и другое увидеть и узнать.» (Havlíček 1986a: 85) В Москве он, например, понял, что «русская литература не находится в так хорошем состоянии, как мы обычно думаем», ее преимущество перед чешской литературой заключается в том, что она является «богатой госпожой», что у нее есть деньги. (Havlíček 2018: 38) Россия оказывается своеобразным зеркалом для чешского общества. Положительным примером тут может послужить первый из цикла очерков об экзамене по чешскому языку в Московском университете. Гавличек в восторге от того, что в далекой Москве изучают чешский язык, которого у него дома многие его соотечественники стыдятся. С другой стороны, он наблюдает такой негативный момент, как последствия поверхностной имитации иностранцев и подражания им со стороны высшего слоя – отказ от родного языка и национальных обычаев, которые с негодованием отмечает и у себя дома.

Первый период пребывания Гавличека в России можно характеризовать одним словом – очарование. По его собственным словам, он влюбился «во все и в русский народ», несмотря на непривычные для него особенности русской жизни и бытовые трудности, с которыми ему пришлось сталкиваться. (Havlíček 2018: 38) Гавличек тогда надеется, что для себя открывает, хотя своеобразный, но родственный мир и общество, у которого вос-

3 Чешское название «Rus» («Rusi») используется не в историческом контексте допетровского периода, а для современной Гавличеку России, поэтому мы переводим его как «Россия» («Rusko»), а не «Русь».

4 Основная серия пяти очерков («Первый экзамен по чехословацкому языку в Москве», «Праздник православия», «Гулянье», «Купечество», «Иностранцы в России») была опубликована в 1843, 1845–1846 годах в периодических изданиях «Цветы», «Чешская пчела» и «Журнал Чешского музея»; к ним примыкают два фрагмента («Перекладная», «Извощик»); в цикл иногда включают два поздних текста – «Необыкновенный катехизм» и «Русские»; последний очерк, важнейший для понимания взглядов Гавличека на Россию, был обнародован лишь в 1850 году в газете «Славянин», которую автор издавал в городе Кутна Гора.

5 Гавличек обращает внимание на то, как поляки и русские исключают друг друга из числа славянских народов. (Havlíček 1900: 65)

6 Гавличек считает даже российское государство «полностью славянским». (Havlíček 1902a: 190)

приятие славянского вопроса близко к чешскому и в котором имеется искренний интерес к другим славянским народам. В этом смысле путь на славянский восток оказался неудачным и привел его к глубокой и продолжительной дезиллюзии.

2 / РОССИЯ И ЕВРОПА

Взгляд Гавличека на Россию формируется в контексте более широкой европейской темы. Россия для него страна во многом своеобразная, отличающаяся от Запада. Эта разница является причиной, почему иностранцы не понимают Россию или ее прямо осуждают. Вину в этом надо зачастую искать не в самой России, а как раз в собственных интересах и предрассудках иностранцев в отношении к ней. Поэтому одна из целей, которую перед собой поставил автор «Очерков», это защита России от клеветы и нападений со стороны иностранцев, в основном немцев. Он исходит из того, что предпосылкой настоящего понимания России является знание русского языка, необходимо знакомство и общение с целым обществом, со всеми его слоями, а не только с по-европейски образованным классом – дворянством. Как было уже сказано, Гавличек в рамках своей поездки в Россию ищет ее своеобразие и славянские корни. Согласно его словам, уже в допетровской Руси здесь зародилась своя собственная национальная жизнь. Россия в значительной степени является самодостаточной страной, например, во внутренней торговле она не только обошлась без иностранцев, но развила ее лучше, чем немцы. Россия в некотором смысле представляет молодость (прошлое) Европы, несет определенные черты общественной жизни, которые там уже утрачены. Та часть русского народа, которая не испорчена внешним влиянием, сохранила прочные социальные связи и социальный альтруизм. Гавличек на этом месте отмечает парадоксальное явление – чем больше Европа как континент объединяется, тем больше между людьми разрушаются отношения и возникает отчуждение. (Navlíček 1986a: 53–54) Россия, несмотря на свою особенность, может стать источником вдохновения (как и любая другая страна). Гавличек регулярно прибегает к сравнениям с жизнью европейского, в первую очередь немецкого, общества, чаще всего это сравнение заканчивается не в пользу последнего.

Взгляды Гавличека на тему России и Европы близки к славянофилам, в среде которых он в Москве и оказался. Это сходство сильно проявляется в критическом взгляде на фигуру царя реформатора Петра I. Гавличек констатирует, что мало из того, что он и его преемники сделали и учредили, было полезно. Результатом европеизации стал рост царской власти и усиление самодержавия. Не столицу империи, а Москву он считает «самым народным, самым русским городом» (Navlíček 1986a: 28), «центром русской культуры и образования» (Navlíček 1986a: 89), о Санкт-Петербурге наоборот пишет как о резиденции ненародной группы («партии») литераторов (Navlíček 2018: 39). Из русских писателей он ценит Гоголя, наоборот Пушкина и других клеймит как «лишь почти стадо подражателей». (Navlíček 2018: 84)

Гавличек в основном неприязненно воспринимает влияние иностранцев на Россию, особенно немцев. Непосредственно с ним он связывает некоторые отрицательные явления в русской жизни – сословность, бюрократизм, угнетение русских мужиков дворянством. Из всех иностранцев, которых он наблюдал, положительно высказывается об англичанах. Французы, по его мнению, близки к русским своим национальным

характером, они вежливее немцев, кроме того – легче и правильнее осваивают русский язык. Как стоило ожидать, хуже и смешнее всех из этого сравнения выходят немцы. (Havlíček 1986a: 113–114)

3 / РУССКИЙ НАРОД

Важная отличительная черта взгляда Гавличека на русское общество заключается в том, что он не видит его одним, однородным целым. Наоборот, он отмечает его иерархичность и внутри него самого он четко различает несколько отдельных, весьма специфических слоев, которым дает остроумную оценку. Он критикует российское дворянство как наиболее подверженное иностранному влиянию. Оно легко отказывается от национальных особенностей и плохо имитирует чужие обычаи, как правило, имеет лишь поверхностное образование и пренебрегает родным языком – старается говорить на нескольких западных языках, но только не по-русски. Дворянству Гавличек противопоставляет купечество как патриотическое сословие. Купцы сохранили свою народность, положительные, исконно русские черты характера. Гавличек отмечает большой патриотизм, благотворительность, помощь осужденным, которых увозят в Сибирь, хорошее обращение с животными (например, они не издеваются над лошадьми, кормят диких птиц) и, несмотря на отсутствие у них формального образования, глубокое знание всей своей страны. (Havlíček 1986a: 64–69) С точки зрения здравого смысла, Гавличек взял бы «одного русского купца, чем двух профессоров и четырех чиновников вопреки тому, что купцы, как правило, ни в какие школы не ходят.» (Havlíček 1986a: 64) Русский крестьянин и купец, восклицает Гавличек в одном из своих московских писем, «заслуживают честь и славу на весь мир». Он ценит «величие характеров» этих двух слоев – «нет такого народа во всей Европе, и когда он прорвется наверх, и когда он покажет миру самого себя, тогда узнают, что такое русский православный народ». (Havlíček 2018: 39) Он упоминает порок пьянства простого народа, но и тот воспринимает с пониманием: «Когда пьяны, они тоже не дерутся, но целуются, обнимаются и братаются со всем миром: чудная то картина нескольких целующихся бородачей!» (Havlíček 1986a: 56) Крупнейшей бедой Российской империи является бюрократия, на которую обрушивается его жесткая критика, чиновники – «настоящие пиявки». (Havlíček 1986a: 130) Симпатии он испытывает к русской армии и офицерам. О православной церкви он высказывается в «Очерках» положительно – оценивает ее терпимость по отношению к другим церквям, даже к язычеству, и связь с народом, с другой стороны, он обращает внимание на довольно формальный подход русских людей к христианской вере. (Havlíček 1986a: 69–70, 86)

4 / ЦАРИЗМ

На протяжении всей своей жизни Гавличек проявляет себя как последовательный демократ, противник религиозной нетерпимости и светского деспотизма. Как и стоило ожидать, он отмечает отсутствие политической свободы в России, где находит деспотию (абсолютизм). Тем не менее, стране повезло с хорошими царями. Благодаря способным правителям, она укрепилась, сила современной России несравнима с ситуацией до Петра I. Российский абсолютизм даже кажется Гавличеку гораздо приемлемее, чем

австрийский режим до 1848 года, поскольку он «динамичный, живой», «хотя лишает народ всякого участия в политике и управлении, но зато открывает ему обширное поле прогресса во всех других отношениях и, таким образом, действительно заботится о постоянном улучшении и укреплении России. Русский видит свою родину очевидно процветающей и укрепляющейся, и это дает ему хоть какое-то утешение за отсутствие политической свободы.» (Havlíček 1986a: 125–126) В конце очерка «Русские» он приводит слова: «Я враг и противник всякого деспотизма и буду вплоть до последней капли пота защищать конституцию: но если бы я никак не смог избежать деспотизма, тогда российский деспотизм мне милее всех.» (Havlíček 1986a: 134)⁷ Он критикует российское правительство как неславянское, так как оно пользуется в своих целях услугами иностранцев, но отличает его от русского народа – «Правительства минуют, народы остаются» (Havlíček 1986a: 122). «Давайте никогда не упускать из виду ту великую истину, что сколько тысяч лет понадобилось, чтобы сформировался и вырос русский народ, но что за одну ночь, за один час может подняться и опять миновать любое правительство.» (Havlíček 1986a: 123) Нельзя русский народ обвинять в абсолютизме российского правительства: «Нечто другое это русские, наши славянские братья, великий народ, добродушный, очень способный и ловкий, сохранившийся в древнеславянских хороших обычаях, народ с великим будущим, от которого и мы, и все остальные, более слабые славянские племена еще много доброго можем ожидать для будущего; и нечто другое это нынешнее российское правительство.» (Havlíček 1986a: 122)

В очерке «Русские» он также ведет прямую полемику с мнением, что в стране скоро коренным образом изменится политический строй, другими словами, что здесь назревает революция против царя и абсолютизма. В России не стоит ожидать ее в ближайшем будущем, в перспективе тридцати – пятидесяти лет. (Havlíček 1986a: 132) Гавличек скептически относится к поддержке революции в российском обществе, кроме того, революция представляет угрозу для России. Хаосом и беспорядками, которые с ней будут связаны, могут воспользоваться враги. Изменение формы правления может в данный исторический момент нанести ущерб стране вплоть до отделения территорий. (Havlíček 1986a: 124–125) В основном, Гавличек проявляет оптимизм по поводу перспектив России – в ней нет «никакого так называемого пролетариата», наоборот – в жизни ни одной другой страны нет столько «разумного социализма» как именно там: «Как раз та свобода и независимость общин, которая в России сохранилась, и эти живые ростки мудрых и практических социальных учреждений пророчат великое будущее для России в последующие годы.» (Havlíček 1986a: 127–128) Гавличек ожидает внутреннее упрочнение страны, в скором времени неизбежную русификацию многих нерусских национальностей, проживающих на ее территории. (Havlíček 1986a: 126)

5 / СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС

После возвращения из России, под влиянием недавнего опыта, Гавличек по-новому формулирует свои взгляды на славянский вопрос. Он выступает против концепции

7 Стоит обратить внимание, что свои благоприятные высказывания о российском режиме Гавличек публикует в 1850 году, после разгрома революции в самой Австрии.

общеславянской взаимности Яна Коллара (1793–1852). Он последовательно и недвусмысленно отказывается от нее в своей статье от 1846 года «Славянин и чех», в одном из важнейших текстов в истории чешской политической мысли вообще. Хотя язык для него является главной и самой надежной отличительной чертой народа, он исходит из концепта народа, который не основывается лишь на языке, поскольку национальность определяют и обычаи, религия, правление, образованность, симпатии и другие черты (Havlíček 1900: 37), именно здесь славяне коренным образом и разнятся. Согласно его убеждению, которое он высказывает уже в самом начале обширного текста, славяне не являются одним народом, но они представляют четыре самостоятельные, разные народы (русский, польский, чешский, илирийский) со своими, иногда противоречивыми интересами. Такую ситуацию надо воспринимать как естественный порядок вещей и считаться с ней при формулировке национальных политических программ и рассуждений о будущем развитии собственных народов. Гавличек прямо заявляет – я с национальной гордостью скажу – «Я – чех», но никогда «я – славянин», и продолжает свою мысль: «У славян четыре родины, а не одна родина: и славянский патриотизм лишь немногим хуже космополитизма. Лучше любить меньше людей, но основательно и тепло, чем всех понемногу.» (Havlíček 1900: 70)

У Гавличека мы находим трезвый подход к славянскому вопросу без романтического мессианизма и иллюзий. Славянскую идею он переносит из пространства мечтаний о светлом и славном будущем в сферу реального научно-культурного общения. Славянство, по его мнению, пока идеал, к которому мы стремимся, и не является возможным уже сейчас опираться на этот идеал. Славянские народы не несут ответственность друг перед другом. В славянстве он не видит ни религиозного, политического или языкового объединения,⁸ но только взаимную, совместную поддержку против общих врагов – «Наш принцип должен быть: Либо мы все будем свободны, либо все падем!» (Havlíček 1902b: 184)

6 / СЛАВЯНЕ

Украинцев (малорусов, русин) Гавличек считает самостоятельным славянским племенем из-за их языка, обычаев и истории. Они, по его мнению, являются приблизительно двенадцатимиллионным народом, проживающим в южной части России, в Галиции и в Венгрии. (Havlíček 1902b: 187) К украинцам он из-за своего свободолюбия относится с открытыми симпатиями – в то время, когда в Польше и в России царил «несвобода», гулял по обширным степям Украины казак вольный как ветер – «на этих степях формировалась постепенно свобода, соответствующая человеческому достоинству, которой не было ни в Польше, ни в России». (Havlíček 1900: 59) Эта свобода была подавлена русскими и поляками. «Последнюю искру малорусской свободы» уничтожила Екатерина II, «таким образом угас храбрый народ, имеющий с одной стороны поляков, с другой московитов в качестве господ». «И нет надежды, что когда-нибудь снова вознесутся из могил буйные украинские орлы, лишь грозные, богатырские думки и песни будут вечно миру извещать

8 Об эволюции взглядов Гавличека свидетельствует, например, факт, что в одном из своих львовских писем он еще жалеет о том, что у славян нет «одного правительства и одной религии», чтобы показать немцам, «куда ведет дорога через Эльбу». (Havlíček 2016: 297)

о несчастных судьбах малорусского народа». (Havlíček 1900: 60–61) Гавличек утверждает, что русские в управлении Украиной ведут себя благоприятнее, чем поляки, но в настоящей ситуации он неоднократно призывает к тому, чтобы австрийское правительство поддерживало украинцев. Австрия бы, таким образом, обладала «сильным оружием в руках против российского самодержца». (Havlíček 1902b: 188)

В Беларуси он обращает внимание на великую нищету, угнетение со стороны поляков, его сочувствие вызывает простой взгляд на «этих убогих существ», в их лице видны как последствия нищеты и рабства – «глупость, робость и карликовость». (Havlíček 1986a: 88) Южные славяне для него представляют славянский мир в малом. (Havlíček 1900: 54)

Взгляд Гавличека на Россию и Польшу довольно критичен. В отношении поляков эта критика направлена главным образом против дворянства.⁹ В переломном 1848 году он прямо утверждает, что «полному взаимопониманию» с поляками мешает «польская гордость, нетерпение и незнание обстоятельств», величайшей ошибкой считает именно то, что в Польше занимаются политикой только «бездельники», то есть дворянство. (Havlíček 1901: 34–35) В октябре того же года он напишет: «Это несчастное, отколовшееся, зазнавшееся славянское племя никогда не разделяет с нами остальными ни радость, ни горе, оно всегда одиноко стоит в стороне, гордо, без нашей помощи желая добиться своего благополучия». (Havlíček 1901: 169) Поляков исторически убила «слепая услужливость Риму, которую они ошибочно считали католической верой». (Havlíček 1902b: 185) В России Гавличеку не нравится поверхностный, ложный патриотизм, славянство здесь не достигает больших успехов и мы сталкиваемся с его непониманием.¹⁰ (напр. Гавличек 2018: 190, 205) Гавличек приходит к выводу, что русские не воспринимают славянский вопрос искренне, но злоупотребляют им в своих собственных целях – подчинении других славян своей власти.

Гавличек со скорбью и негодованием обращает внимание на глубокую враждебность между русским и польским народом, когда нельзя сочувствовать обоим и оба одинаково любить: «Две стороны вместе борются не на жизнь, а на смерть, русский народ с польским народом, как можно сочувствовать обоим, обоих любить одинаково? Невозможно быть ни на одной, ни на другой стороне, за такую любовь обе стороны не скажут спасибо, а тот, кто встал на одну сторону, должен быть врагом другой.» (Havlíček 1900: 57) В этой связи он отмечает их взаимное негативное отношение к украинцам, продиктованное захватническими интересами. Для обоих больших, мощных славянских соседей украинцы являются лишь объектом, материей для расширения территории и увеличения численности собственной нации, оба считают украинский язык диалектом своих собственных языков. Итогом является сознание того, что «Россия как Польша, исчезла славянская симпатия, я научился русских и поляков считать, несмотря на все родство языков, происхождения и обычаев, народами нам, чехам, чуждыми» (Havlíček 1900: 58). Степень утраты прежних русофильских (и полонофильских) настроений Гавличека отра-

9 «Вся польская литература писалась исключительно дворянами, опять же только для дворян, то есть односторонне.» (Havlíček 2016: 297)

10 «... русские уже использовали славянство гораздо лучше, чем мы: мы его изобрели и остаемся у разбитого корыта, но они, хотя пока и не понимают его, уже отлично его подоили.» (Havlíček 2018: 190)

жают его слова из личного письма другу незадолго до отъезда из Москвы о том, что «русские – с соответствующими оговорками и поляки – не являются нашими братьями, как мы их называем, но являются гораздо большими врагами и они опаснее для нашей народности, чем венгры и немцы. Их языками и литературами мы можем воспользоваться, как нам угодно, но всякое братание с ними надо оставить». (Havlíček 2018: 206–207) Ближайшим народом он уже в Москве и после своего возвращения домой считает южных славян: «Чехи и иллирийцы могут быть братьями, они могут показать миру редкий, даже неизвестный пока пример дружбы двух народов.» (Havlíček 1900: 51)

В статье «Славянин и чех» вырисовывается довольно нелицеприятная общая картина славянского мира, которая вызывает мало оптимизма по поводу возможного реального сближения всех славян. Ее отличительными чертами являются скепсис относительно будущего объединения или по крайней мере сотрудничества всех славянских народов и отсутствие связывающего звена в виде единого славянского языка, то есть славянский мир не представляется Гавличеку однородным целым. Роковым конфликтом внутри него является русско-польское противостояние, которое своими корнями уходит в далекое прошлое. Поляки и русские стали воевать между собой после падения Киевской Руси и усиления своих государств: «Так встретились два чрезвычайно похожих и чрезвычайно разных гиганта: похожие в анархии и несправедливости домашнего устройства, разные по вере, один самодержавный, второй аристократический.» (Havlíček 1900: 56) Яблоком раздора между ними стала Украина, которую оба народа считают своей территорией и ее жителей – украинцев – причисляют к собственным народам: «Малороссия, Украина – это постоянное проклятие, которое поляки и русские наложили сами на себя, это яблоко раздора, брошенное судьбой между этими двумя народами, это причина постоянной ненависти между обоими, пока один не будет полностью покорен.» «Таким образом подавленная свобода Украины мстит Польше и России.» (Havlíček 1900: 59)

По мнению Гавличека, современные ему славянские языки, несмотря на их несомненную близость, являются полностью самостоятельными, причем попытки создать общеславянский язык кажутся ему ненужными и бесперспективными: «Чтобы когда-нибудь все славяне могли пользоваться в литературе единственным языком, есть вещь невозможная, и поэтому любое стремление к этому является бессмысленным и вредным как трата времени.» (Havlíček 1900: 69) Неизбежным результатом всех вышеуказанных факторов стал отказ от славянской идеи как основы национальной программы: «Мы – чехи, и мы намерены остаться чехами навсегда, и мы не хотим становиться ни немцами, ни венграми, ни русскими, поэтому давайте будем холодны к русским, если даже не хотим их ненавидеть. Но давайте будем такими же холодными к полякам. Поляки тоже русские, но со связанными руками.» (Havlíček 1900: 64) Более тесное сотрудничество между славянскими народами возможно лишь при наличии общих интересов, последние он находит между чешским и иллирийским народом (южными славянами). Но Гавличек – не противник славянства и представления об исторической общности славянских народов. Он убежден, что славянская идея сыграла свою положительную роль и привела к хорошим результатам как раз в чешской и иллирийской (южнославянской) среде. Он не отрицает принадлежность собственного народа к славянам и не подвергает сомнению близость славянских языков и, следовательно, литератур.

Ответ на вопрос, что же остается от славянской взаимности после ее настолько фундаментального переосмысления, сводится к тому, что очевидное родство славян способствует быстрому изучению их языков, которые можно, как и их литературы, использовать в интересах собственного народа, общность интересов открывает путь к более близкому, политическому сотрудничеству чехов с южными славянами, к чему Гавличек неоднократно призывает не только в ранней статье «Славянин и чех», но и в своей последующей публицистике. Задним числом он высказал мысль, что состоятельность данного союза подтвердили события 1848 года. (Havlíček 1902b: 183)

7 / БУДУЩЕ ЧЕШСКОГО НАРОДА

Одна из целей, которую Гавличек на протяжении своей активной деятельности преследует, это поиск союзников при защите собственного и других меньших славянских народов от внешней угрозы, прежде всего со стороны немцев. На данном месте стоит констатировать, что путешествие в Москву и пребывание там никак не помогли реальному решению данной задачи. Гавличек, правда, увидел в России близким по взглядам движение, которое он сам называет «славяно-православной партией» – «самое горячее желание этой партии – чтобы Россия со временем стала покровительницей и защитницей всех остальных славян от других племен, которые их угнетают.» Тем не менее, в настоящее время эта «партия» является у себя дома «очень незначительным меньшинством». (Havlíček 1986a: 124)

Гавличек будет позже в своих размышлениях считать с ситуацией неизбежного отказа не только от политического панславизма, но и идеи о едином славянском народе. Его наследие в решении чешского вопроса можно характеризовать как национальный прагматизм и реализм с учетом сложившейся исторической ситуации. Прочной основой его программы станет тезис, что многонациональная Австрийская монархия представляет лучшую гарантию сохранения чешской и иллирийской национальности. Рассуждения Гавличека очевидно лишены национального мессианизма. Роль и значение чешского народа predetermined не исконным историческим призванием, а его географическим положением на границе германского и славянского миров – «Нам, чехам, судьба выделила почетное, но опасное место первого славянского бастиона на западе». (Havlíček 1901: 22) У Гавличека мы находим довольно сдержанное сознание потенциала и возможной роли чешского общества среди других славян. С этим связан тот факт, что он делает акцент на единстве чешского и словацкого народов, которые по сравнению с другими европейскими народами малочисленны и испытали сильное влияние извне. Национальное единство обоих соседних родственных народов может улучшить их положение и значение на просторах Центральной Европы. Гавличек убежден, что это единство идет на пользу и чехам, и словакам. Он настаивает на своем мнении и в ситуации продолжающегося национального возрождения в словацких землях в сторону образования самостоятельной словацкой идентичности.

Гавличек утверждает, что чехи потеряли многие из своих исконно славянских черт, но, тем не менее, он разделяет крепкую надежду по поводу их перспектив. Этот оптимизм находит свое выражение в мысли, что чешский народ сохранится, сможет раскрыть свой потенциал и будет успешным даже в ситуации, если будет опираться лишь на

собственные силы, без поддержки в виде идеи о великом славянском народе: «И должны ли мы бояться больших и многих препятствий, должны ли мы робеть перед сложным, неприятным путем, по которому мы должны идти? Должны ли мы по-детски, не по-мужски полагаться на другого? – Чех не боится работы и препятствий, чех не заработает, чех не рассчитывает на другого: чех потрудится и преодолет все. Именно потому, что у нас усерднее работают, нет никаких сомнений в том, что на лучшей исторической основе, которая у нас есть, и при лучших обстоятельствах с точки зрения общего образования нашего народа, мы, чехи, все-таки еще в искусстве, в литературе и вообще в народном счастье и русских, и поляков обгоним.» (Havlíček 1900: 66) Гавличек не впадает в другую крайность и не проповедует национальный изоляционизм. Он поддерживает изучение других славянских языков и знакомство с другими славянскими странами, выступает сторонником перенимания достижений других славян.¹¹ Ссылаясь на прежнюю традицию отечественного славянофильства, он расходится с ним или (точнее) дополняет его в вопросе влияния и конкретных последствий на национальную жизнь. В момент, который перед ним поставила история, он принимает вызов и наполняет чешскую политическую программу национально-центричным содержанием.

8 / ЧЕШСКО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ (ВМЕСТО ИТОГА)

Гавличек подчеркивает необходимость изучения и непосредственного знакомства с Россией (и другими славянскими землями). Он противник русофильства, которое не опирается на знание самой страны. В одном из его писем мы находим следующую едко ироническую мысль: «Кто хочет чехам сделать по-настоящему добро, пусть их посылает за свой счет в Москву.» (Havlíček 2018: 191) Состояние его мыслей после возвращения из Москвы отражают следующие слова: «Русские морозы и другие русские явления задушили во мне последнюю искру общеславянской любви; космополитизма я и без того никогда не имел в теле ни капли, и поэтому я вернулся в Прагу как чех, сущий бескомпромиссный чех, даже с какой-то тайной настороженностью против имени славянин, которое мне, познавшему довольно Россию и Польшу, попахивало какой-то иронией.» (Havlíček 1900: 35) Следует в очередной раз напомнить, что взгляд Гавличека на Россию строится на различии между русским народом и правительством (царизмом). На политическое сотрудничество или союз с официальной Россией он не рассчитывает, но осознает значение славянской сверхдержавы как барьера немецкой экспансии и противовеса к немецкому давлению. Уже само ее существование приносит пользу меньшим славянским народам. Незадолго до вынужденного прекращения своей активной журналистской работы он утверждает: «Само собой разумеется, что Россия и не может, и не будет поддерживать нас в политическом смысле в достижении конституционных прав, но зато она поддерживает нас своей обширной литературой, особенно в строго научных дисциплинах,

11 В своей поздней обширной статье «Славянская политика» Гавличек предлагает в качестве средства борьбы с немецким влиянием также изучение английского и французского языка и литературы: «Освобождение от германства должно быть нашим девизом во всех отношениях, и поэтому пусть изучение романских языков и литератур, особенно английской и французской, станет главной заботой всех наших одаренных и образованных молодых людей.» (Havlíček 1902b: 196)

а также поддерживает нас в национальном смысле уже своим внушительным величием.» (Havlíček 1902b: 172)

Деятельность и многие публицистические тексты на славянскую тему Карела Гавличека представляют важную главу в богатой истории чешско-русских отношений. Они являются очередным свидетельством о традиционном интересе к России в чешской среде, который питался пониманием того, что исторические судьбы Чехии (и шире Европы) и России связаны, что, несмотря на конкретную общественно-политическую обстановку и личные взгляды, важно изучение и знание России как части европейского пространства. Неустанные попытки открывать пути взаимного общения и познания окажутся настолько жизнеспособными, что переживут крушение идеи о единстве славянского мира, которая дала им в самом начале решающий роковой толчок.

KAREL HAVLICEK BOROVSKY AND RUSSIA

SUMMARY The aim of this article is to provide a systematic research of the views on Russia of the prominent Czech journalist, writer and politician Karel Havlíček Borovský (1821–1856). Havlíček, the first among the leaders of the Czech national revival of the first half of the 19th century, personally visited Russia and lived there for a long time. Thanks, first of all, to his journalistic work, he had a strong influence on contemporary Czech society. Since the perception of Russia and Russians in the then Czech lands is inextricably linked to the Slavic idea (Slavism), attention is also paid to Havlíček's reflections on the Slavic question, his opinions about other Slavs and, last but not least, his Czech national program. Only in such a broader context can one correctly understand the origins and development of Havlíček's thoughts about Russia. There, on the one hand, we find criticism of the Russian government and its official policy, rejection of Pan-Slavism in the sense of uniting all Slavic peoples and insisting on political cooperation only between the Austrian Slavs. On the other hand, we see sympathy for the Russian people and optimism about the future of the East European empire.

КАРЕЛ ГАВЛИЧЕК БОРОВСКИЙ И РОССИЯ

РЕЗЮМЕ Целью настоящей статьи является систематический обзор взглядов выдающегося чешского журналиста, писателя и политика Карела Гавличека Боровского (1821–1856) на Россию. Гавличек, первым среди деятелей чешского национального возрождения первой половины XIX века, лично посетил Россию и прожил здесь длительное время. Благодаря, в первую очередь, своей журналистской работе, он оказал сильное влияние на современное ему чешское общество. Поскольку восприятие России и русских в тогдашней Чехии неразрывно связано со славянской идеей (славизмом), внимание уделяется также размышлениям Гавличека о славянском

вопросе, его мнениям о других славянах и, не в последнюю очередь, его чешской национальной программе. Только в таком, более широком контексте можно правильно понять истоки и развитие мыслей Гавличека о России. У него мы, с одной стороны, находим критику российского правительства и его политики, отказ от панславизма в смысле объединения всех славянских народов и настаивание на политическом сотрудничестве лишь австрийских славян. С другой стороны, мы видим симпатию к русскому народу и оптимизм по поводу будущего восточноевропейской империи.

ЛИТЕРАТУРА

- / Bělič J., 1947, *Karel Havlíček Borovský a Slovanstvo*, Praha.
- / Černý V., 1995, *Vývoj a zločiny panslavismu*, Praha.
- / Doubek V., 2004, *Česká politika a Rusko (1848–1914)*, Praha.
- / Havlíček Borovský K., 1986a, *Dílo I. Obrazy z Rus, Epigramy a aforismy, Satiry, Kritiky a polemiky, Politické písně, Brixenské skladby, Smíšené básně, Korespondence*, Praha.
- / Havlíček Borovský K., 1986b, *Dílo II. Pražské noviny, Národní noviny, Slovan*, Praha.
- / Havlíček Borovský K., 1948, *Duch Národních novin*, Havlíčkův Brod.
- / Havlíček Borovský K., 2016, *Karel Havlíček. Korespondence I. 1831–1842*, Praha.
- / Havlíček Borovský K., 2018, *Karel Havlíček. Korespondence II. 1843–1844*, Praha.
- / Havlíček Borovský K., 1900, *Karla Havlíčka Borovského Politické spisy. Díl I. Pražské noviny (1846–1848)*, Praha.
- / Havlíček Borovský K., 1901, *Karla Havlíčka Borovského Politické spisy. Díl II. Národní noviny (1848–1850). Část 1*, Praha.
- / Havlíček Borovský K., 1902a, *Karla Havlíčka Borovského Politické spisy. Díl II. Národní noviny (1848–1850). Část 2*, Praha.
- / Havlíček Borovský K., 1902b, *Karla Havlíčka Borovského Politické spisy. Díl III. 1. část. Slovan (1850–1851). Epištoly kutnohorské 1851. Rejstřík. Přílohy. Část 1*, Praha.
- / Havlíček Borovský K., 1903, *Karla Havlíčka Borovského Politické spisy. Díl III. Slovan (1850–1851). Epištoly kutnohorské 1851. Rejstřík. Přílohy. Část 2*, Praha.
- / Havlíček Borovský K., 1953, *Obrazy z Rus*, Praha.
- / Chalupný E., 1929, *Havlíček. Prostředí, osobnost a dílo*, Praha.
- / Jirásek J., 1946, *Rusko a my. Dějiny vztahů československo-ruských od nejstarších dob až do roku 1914. II. díl, 2. vyd.*, Praha – Brno.
- / Jirásek J., 1945, *Rusko a my. Dějiny vztahů československo-ruských od roku 1867 do roku 1894. III. díl, 2. vyd.*, Praha – Brno.
- / Masaryk T. G., 1996, *Karel Havlíček. Snahy a tužby politického probuzení, 4. vyd.*, Praha.
- / Nejtěk V. M., 1979, *Novinář Karel Havlíček Borovský*, Praha.
- / Procházka V., 1961, *Karel Havlíček Borovský. Studie s ukázkami z Havlíčkova díla*, Praha.
- / Reinfeld B. K., 1982, *Karel Havlíček (1821–1856). A National Liberation Leader of the Czech Renaissance*, New York.